

Ломоносов был великий человек... Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом.

А.С.Пушкин

Это эссе автор посвящает современной российской молодежи, состояние умов, цели и устремления которой определяют настоящее и будущее нашей страны. Возьмите в собеседники и наставники М.В. Ломоносова, дорогие друзья, и вам будет легче состояться как человеку и гражданину.

Из далекого восемнадцатого века Михайло Васильевич Ломоносов словно обращается к нам, ныне живущим, настолько современны и востребованы его мысли и слова. Особенно сегодня, когда под ударами «реформ» деградирует еще недавно лучшая в мире система образования, когда выпускники вузов уезжают работать за границу, когда в армию приходят полуграмотные ребята с недостатком веса, а в школах могут учиться только дети платежеспособных родителей, когда подавляющее большинство русского народа может считать себя униженным и оскорбленным. Вспомним, что он говорил, писал и делал. В тяжелые нынешние годы воспоминания эти полезны всем, а молодым особенно.

Предлагаемый читателям материал является развитием и дополнением статьи «Заветы Ломоносова» («Советская Россия» от 15 ноября 2011года), вызвавшей чита-

тельский интерес, который побудил автора добавить к масштабному портрету великого гражданина и ученого несколько существенных штрихов. Автор полностью согласен с лауреатом Нобелевской премии академиком П.Л. Капицей, который сказал, что «говорить о Ломоносове приятно, как приятно общение с одним из самобытных гениев в истории человеческой культуры...»

Параллельно с занятиями по химии, физике, математике, минералогии, астрономии заняться русской грамматикой и историей государства Российского Ломоносова заставило рабское преклонение правящей «элиты» перед всем чужеземным. Тут и мода на парики, камзолы, корсеты, книксены и мужское расшаркивание, и заповенение русской речи иноземными словесами, и всевластие в Петербургской академии наук иностранных чиновников от науки, вроде интригана и русофоба Шумихера. А тут еще ученые мужи Миллер и Шлёцер сочинили теорию происхождения русской государственности от норманнов, сославшись на слова летописи о призвании славянами дружины варягов-русь под водительством Рюрика. Теория эта ставила под сомнение историческую

способность русских управлять своей страной.

Уязвленный в самое сердце таким оскорблением Отечества и соотчичей, Ломоносов, хорошо владевший как мертвыми языками – латынью и греческим, так и европейскими, изучил труды историков – от античных Страбона и Геродота до средневековых европейских хронистов – и за 15 лет кропотливых трудов воссоздал многотысячелетнюю историю россов с их древними государствами, с победами и поражениями. И сделал ободряющий и обнадеживающий и нас, живущих ныне, вывод: «Каждому несчастью последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восставление...»

А сам Рюрик, по изысканиям Ломоносова, вовсе не норманн, а выходец из пруссов-порусов, племен, родственных славянам. Варягами же назывались в те времена разноплеменные дружины мореходов, готовых как нападать ради наживы, так и охранять-защищать за определенную плату.

Вышедшая через год после кончины автора «Древняя российская история от начала российского народа...» заканчивалась правлением Ярослава Мудрого (XI век). Но в 60-е годы XX века ленинградский историк Д.С. Бабкин, изучив архивы, нашел убедительные доказательства того, что бесследно пропало продолжение этого труда Ломоносова. Свидетельство тому – известный очерк Михайлы Васильевича «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи».

Но почему же «пропало» продолжение? Исследователь эпохи Ломоносова Л. Жуков считает, что «ответ прост – не нужна была

правда истории представителям дворянских родов, желавшим подправить биографии своих предков, скрыть их нелицеприятные деяния», о чем сам Ломоносов во вступлении к «Истории...» заявил прямо: «Обстоятельства, до особенных людей надлежащие, не должны здесь ожидать похлебства...»

Но «похлебство», похвальбу себе правящая элита понимала тоже по-своему: принужденные Екатериной Великой представлять свои родословные, многие старались вести свой род от на Русь «понаехавших» – хоть от немцев, хоть от татарских мурз и ханов, лишь бы не от своих соотчичей.

Пренебрежение знати своим языком, вопиющие ошибки даже в документах подвигли Ломоносова на создание «Российской грамматики», где впервые были разработаны фонетика, морфология, правила синтаксиса. Грамматика эта выдержала 14 изданий, по ней овладевали родной речью многие поколения всех сословий России. И укоренились введенные им слова-термины: атмосфера, земная ось, горный хребет, удельный вес и многие другие.

Великий помор стал Учителем всем и вся. Поэтам и сегодня весьма полезно, как когда-то Державину и Пушкину, прочесть его «Письмо о правилах российского стихосложения»; журналистам – «Рассуждения об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободной философии»; политикам и общественным деятелям – «Краткое руководство к красноречию»; педагогам-славистам и литераторам – записку «О нынешнем состоянии словесных наук в России».

Недаром русский писатель и историк Николай Михайлович Карамзин написал о Ломоносове следующее: «Рожденный под хладным небом северной России, с пламенным воображением, сын бедного рыбака сделался отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства. Ломоносов был первым образователем нашего языка; первый открыл в нем изящность, силу и гармонию...». Виссарион Белинский выразился еще более сильно: «С Ломоносова начинается наша литература, он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим». А Александр Радищев сказал, как отчеканил: «...В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. Беги, толпа завистников, се потомство о нем судит, оно нелицемерно».

Вспомним слова самого Ломоносова: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского и сверх того – богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков».

Но и это еще не всё. Сегодняшним «новаторам» в православии пригодится его «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», ученым – записки «Об исправлении Санкт-Петербургской академии наук» и «О необходимости преобразования академии наук». Именно поэ-

тому Ломоносов считается отцом настоящей (преобразованной) Российской академии наук, без влияния и управления иностранцев.

Свое желание видеть российский народ в первых рядах научной мысли Ломоносов выразил так: «Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний».

А всем, всем, всем, особенно нашим президенту и премьер-министру, необходимо прочитать его письмо к графу Шувалову «О сохранении и размножении российского народа». И читать это письмо надо очень-очень часто!

Однако мудрые мысли Ломоносова по этому чрезвычайно актуальному и сегодня вопросу были впервые в сильно сокращенном виде опубликованы через 60 лет после его смерти в научном малотиражном журнале. Полностью это письмо увидело свет через 100 с лишним лет, в 1871-м году, тоже в малотиражных «Беседах в обществе любителей российской словесности».

Зададимся вопросом: а почему правящая элита и даже церковное священноначалие закрыли путь этих трудов к народу? Ответ прост, если знать, о чем размышлял в них Михайло Васильевич. А говорил он о необходимости издания медицинского справочника с рецептами из труда «великого Гофмана» и книжек о российском повивальном искусстве, рассылке его по всем церквам, где преимущественно и были в те годы грамотные люди. О подготовке в будущих университетах и школах

российских врачей и аптекарей на смену чужеземным и об открытии сети аптек.

К высшим иерархам церкви были обращены его предложения: разрешить вдовым попам и дьяконам жениться во второй раз, «чтоб к греху не склонялись и детками обзаводились». Строго рекомендовать батюшкам не крестить младенцев в зимней льдистой воде, «отчего множество смертей происходит», но – в подогретой. А священникам – проводить нравоучительные беседы с народом о вреде браков по расчету, когда юную девушку за старика отдают, а подростка, чтоб иметь работницу в хозяйстве, на зрелой девице женят.

И уже тогда, 250 лет назад, называл заботник «живыми покойниками» перебежчиков за границу – от обид ли на власти, от утеснений ли помещиков. Потому, советовал он, надобно облегчить подати, снять солдатские поборы, улучшать условия жизни.

Изложенные в записке 13 способов приращения народа, по подсчетам Ломоносова, могли бы уже за 20 лет способствовать прибавлению россиян на 10 миллионов человек.

Он и стихи писал на пользу Отечеству, просвещая власть имущих, убеждая, «что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать». Только надо допустить к изучению наук смышленных ребят всех сословий, а то ведь ему самому на пути учения пришлось дважды солгать: то сыном дьячка назваться, то отпрыском «холмогорского дворянина».

А как современны и полезны его мысли: «Ежели ты что хорошее сделаешь с трудом, труд минется, а хорошее останется, а ежели сде-

лаешь что худое с услаждением, услаждение минется, а худое останется»; «Кто к добродетелям путь отвергает? наука; кто рассеянные народы в общество собрал? наука; кто построил грады и открыл страны, отделенные морями? наука»; «Всякие предприятия и изыскания нередко лучше, когда они соединены с очевидною пользою».

Немилый российской правящей «элите», Ломоносов, вполне возможно, был бы забыт, о чем сам он печалился на смертном одре другу своему из немцев академику Штелину: «Зачинала моя голова многое, но руки одни. Смерти не боюсь. Больно только видеть при конце жизни моей, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мной...»

Не исчезли! Им не дали исчезнуть лучшие умы из дворян, постоянно напоминавшие о нем в статьях, стихах, книгах – по живой эстафете: Радищев, Бестужев-Марлинский и другие декабристы, Тютчев, Грибоедов, не успевший из-за гибели дописать поэму о нем. Ну и, конечно, Пушкин с бесценными словами: «Между Петром и Екатериной Второй он один является самобытным сподвижником просвещения... Ломоносов обнял все отрасли просвещения... он все испытал и все проник».

Труды Ломоносова уже при жизни его вышли далеко за пределы России. Свидетельство тому – известный сборник докладов «слов» Ломоносова в Петербургской академии наук и отзывы на них, тотчас публиковавшиеся во множестве периодических изданий Европы на немецком, французском, английском, итальянском, шведском и других языках.

Например, о солнечной печи, зеркальном телескопе, «ночезрительной трубе» - приборе ночного

видения для плавания в северных морях, «аэродинамической машине» - прообразе вертолета и других диковинных приборах и аппаратах, далеко опережавших время.

Всемирную известность наследия Ломоносова подтверждают и многие публикации современных зарубежных авторов – от работы Л. Ланжевена «Ломоносов и французская культура XVIII в.» до исследования Есио Имаи «М. В. Ломоносов в японской литературе».

Ломоносов нашел немало ошибок в исследованиях зарубежных ученых, которые признавались и обсуждались в зарубежной научной печати. Например, в построении физической картины мира Декартом и Ньютоном, в опытах «славного Бойля», что и позволило Ломоносову открыть и сформулировать закон о сохранении энергии и вещества. Многие гениальные прозрения о великом будущем России подтвердило время: и далеко простерла руки свои химия, и прирастать могущество России стало Сибирью, и освоен судами Северный морской путь.

В советское время не было человека, не знавшего о Ломоносове, изучение его наследия входило в школьную программу, миллионными тиражами издавались его сочинения и книги о нем. В наши дни далеко не все мои студенты знают хотя бы некоторые из его великих открытий, не говоря уж о его биографии. Что ж, зато в школьную программу вносится «Архипелаг ГУЛАГ», произведение, далекое как от правды, так и от родного русского литературного языка. Печально.

В 90-е годы новоявленная власть в России, словно узнав (или вспомнив?) о травле Ломоносова

при его жизни, снова предприняла попытку умалить заслуги и славу гения из Холмогор.

В прессе началась шумиха, направленная на то, чтобы заслуги в создании Московского университета отдать графу Шувалову, фавориту Елизаветы. Но именно Шувалову, который покровительствовал Ломоносову, а через него – императрице адресованы были гневные слова «архангельского мужика»: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога...»

За это гордое признание обвинялся русский гений в нескромности. Но когда привелось переводить ему с немецкого письмо знаменитого математика и физика Л. Эйлера президенту академии наук графу К. Разумовскому о самом себе, «изыяснившем физические и химические материи, как совсем неизвестные и невозможные к истолкованию самым великим гениям», Ломоносов изменил последние слова: «самым остроумным ученым людям».

Лишь в XX веке, при Советской власти, сбилось главное чаяние народного заступника, изложенное им в проекте беседы с Екатериной II: «Чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство...»

А сейчас педагогическая и научная общественность России ведет неравную борьбу за сохранение лучшей в мире системы образования, которая позволила СССР стать ведущей мировой научно-технической державой и соответствовала заветам Ломоносова.

В мире нет второго такого примера, когда бы в одном человеке соединилось столько знаний и духовных богатств. Недаром Гав-

риил Романович Державин восхищенно писал о нем:

Се Пиндар, Цицерон,
Вергилий – слава россов,
Неподражаемый,
бессмертный Ломоносов.
В восторгах он своих
где лишь черкнул пером,
От пламенных картин
поныне слышен гром.

Академик Сергей Иванович Вавилов считал, что «Ломоносову по необъятности его интересов принадлежит одно из самых видных мест в культурной истории человечества. Даже Леонардо да Винчи, Лейбниц, Франклин и Гете более специальные и сосредоточены. Замечательно при этом, что ни одно дело, начатое Ломоносовым, будь то физико-химические исследования или оды, составление грамматики и русской истории, или организация и управление фабрикой, географические проекты или политико-экономические вопросы – все это не делалось им против воли или даже безразлично. Ломоносов был всегда увлечен своим делом до вдохновения

и самозабвения; об этом говорит каждая страница его литературного наследства».

Искренне веря в великое будущее России, как и в то, что многие годы российских реформ войдут большим черным пятном в мировую историю как годы дьяволизма и мракобесия, как годы позорной трагедии для великой страны, автор хотел бы закончить статью о Михайле Васильевиче Ломоносове его словами: «Россия, распространяясь широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущество в храбрости и самым высокомысленным сопоставкам, поставив свои пределы в безопасности и привлеки к себе прилежное внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия...» (выделено мною – Ю.С.)

Будем же вчитываться в его слова, мысли и будем учиться самоотверженности, мудрости, терпению и вере в свою Родину у русского Гения из поморской глублинки.

